

Александр Попов

Притчи и рассказы

Александр Попов

Притчи и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73078113

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга – собрание притч и коротких рассказов-размышлений, которые говорят с читателем на языке тишины и образов. Каждая история – как ключ к потаённой комнате внутри нас. Здесь говорят камни, мосты, море и ветер, а древние как мир истины обретают новую жизнь.

Вы найдете здесь притчи о поиске смысла в служении и творчестве, о преодолении одиночества и страха, о ценности простого шага и важности выбора. Это разговор о том, что вечность начинается здесь и сейчас, а мудрость приходит не из ответов, а из умения задавать правильные вопросы самому себе.

Книга для тех, кто ищет не готовых рецептов, а тихого пространства для размышления, точки опоры и напоминания о том, что самое важное часто лежит за пределами суеты.

Добро пожаловать в разговор.

Александр Попов

Притчи и рассказы

Предисловие

Перед вами – не просто сборник текстов. Это путешествие. Путешествие к самому себе через мир, который говорит с нами на языке символов, природы и тихих прозрений.

Все эти истории объединены одним невидимым стержнем: они исследуют границы. Границу между одиночеством и связью, как в «Мосте». Между мастерством и истинным творчеством, как в «Притче о Вратах». Между жизнью и смертью, как в рассказе о двух сёстрах. Между страхом и свободой, как в «Страже и кинотеатре теней». Они напоминают нам, что именно на этих границах, над пропастью сомнений и страхов, и возводятся самые важные мосты – мосты понимания.

Эти притчи – диалогичные. Они не навязывают истину, а приглашают к разговору. Они подобны тому самому древнему Мосту из первой истории: они стали «вратами». Стоя под их сенью, вы вдруг видите привычный пейзаж своей души в новом, обрамлённом светом ракурсе. Они не дают инструкций, как жить. Они возвращают вам способность *чувствовать*, как жить. Напоминают, что «соль» испытаний отравляет лишь маленькую «чашу», но теряется в широком потоке «реки» вашей души («Притча о вместимости»).

Здесь вы встретитесь с вечными спутниками человека: тщеславием и возвращением домой к себе, страхом и состраданием, которое иногда проявляется в мудром невмешательстве («Урок о двух волах»). И как наша жизнь – это «книга, которую пишут сейчас», где каждая следующая минута предлагает новую версию нас самих.

Читайте эти истории неспешно. Дайте им отозваться внутри. Они – как эхо в горах из одноимённой притчи: что вы в них вложите – вопрос, обиду, злость или приветствие – то и вернётся к вам обогащённым многоголосием смысла.

Пусть эта книга станет для вас тем самым «белым листом», на котором вы, заметив важную «чёрную точку», не перестанете видеть и бескрайнее, чистое пространство для собственного света.

Добро пожаловать в разговор.

Мост. Притча

Между Высокой Скалой, чей пик терялся в облаках, и Благодатной Долиной, цветущей внизу, зияла глубокая, тёмная пропасть. Они смотрели друг на друга, но их разделяла бездна.

И эта невозможность встречи отзывалась тихой болью, которая копилась, кристаллизовалась и, наконец, отколола осколок твердыни. Огромный камень, вобравший в себя всю тоску разлуки, рухнул вниз. Это был вызов и дар одновременно. Так скала, тронутая тишиной и печалью Долины, отдала ей часть своего сердца – великий и твёрдый камень. Из

этого камня люди воздвигли Мост – строгий, каменный, с единственной аркой, парящей над пустотой.

Шли годы. Мост служил верой и правдой: по нему шли торговцы и путники. Так проходили века. Он чувствовал, как стираются его камни под бесчисленными шагами, как дожди и ветры точат его опоры. Однажды, в час вечернего уныния, он обратился к Скале, своей матери и началу:

– Зачем ты обрекла меня на это вечное служение? Я взял у тебя твою твердь, твою форму – и что же? Я лишь исчезаю, день ото дня, превращаясь в пыль под чужими ногами.

Скала, древняя и безмолвная, ответила не сразу. А потом сказала тихо, так, что слова её прозвучали в самом сердце камня:

– Сын мой, посмотри не вверх, а вниз. Посмотри в ту пропасть, что была до тебя.

И Мост взглянул. И увидел то, чего никогда не замечал. В глубине, где царила вечная сырая тьма, теперь играли и танцевали солнечные зайчики, отражённые от его белой арки. В трещинах его мощных устоев свили гнёзда стрижи и ласточки, и их быстрый полёт был похож на ожившую музыку. По его каменным бокам взобрался плющ и дикий виноград, украсив суровость живой зеленью. А ещё – он увидел лица людей, идущих по нему: не усталые и равнодушные, а озарённые надеждой, ведь он вёл их из уединения – к другим, с одного берега их жизни – на другой.

– Ты теперь понимаешь, – прошептала Скала. – Ты думал,

что взял у меня и у земли много. Но взял – лишь камни, их прочность и возможность стать мостом. А от неба ты взял куда больше: ты взял саму надежду и подарил её людям. Ты стал тем местом, где небо ежедневно сходит на землю, а земля учится смотреть ввысь. От неба у тебя красота арок и сам свет, что их освящает. От неба пути для птиц и певчие строки их песен.

Тишина воцарилась снова. Но это была уже другая тишина – полная смысла. Лёгкий ветерок, гуляющий по пропасти, показался Мосту больше не разрушительным, а ласковым. И капли начавшегося дождя он ощутил уже не как эрозию, а как прикосновение. Он не перестал быть камнем. Он не перестал нести свою ношу. Но теперь он знал, что он – не просто расстояние из точки А в точку Б. Он – сам Путь. Он – то место, где миры встречаются, и в этой встрече рождается нечто большее, чем он сам. И в этом был его смысл и его вечность.

Прошли века. Великая дорога, которой служил Мост, давно нашла другой путь. Люди построили множество новых мостов в обход древней пропасти. Об этом Мосте забыли. Силы, против которых он так стойко держался – время, вода и ветер – сделали своё дело. Опоры рухнули, унеся в бездну каменную кладку. От величественного сооружения осталось лишь одно – та самая центральная арка, чудом уцелевшая. Она стояла теперь не как часть пути, а как одинокий памятник, дерзко повисший между двумя скалами над пустотой.

К нему вели только тропы. Лишь отчаянные и любопытные юноши и собиратели трав приходили сюда, чтобы постоять под сенью древнего камня и поразиться упрямству инженеров прошлого. Мост не исчез. Он продолжал совершать свои превращения.

Он стал вратами. Теперь через его одинокую арку был виден целый мир перед глазами. Путник, стоявший под ней, видел не просто пейзаж – он видел картину, обрамлённую в совершенную форму. В этой раме рождались прекрасные восходы, а закат устраивал прощальную огненную службу небу и земле. Так Мост продолжал отмерять время день за днём.

Он стал крышей. В его трещинах, которые когда-то Мост считал своими ранами, теперь цвели цветы, а мох был мягче любого ковра. В укромных нишах, выточенных каплями, свили гнёзда горные ласточки. Их стремительные полеты были похожи на биение живого сердца этого места. Мост, давал приют и безопасный дом целым поколениям птичьих стай.

Он стал притягательным образом для взгляда и размышлений. Однажды под этой аркой остановился человек с потухшим взглядом – уставший, потерявший веру. Он смотрел в пропасть, а видел лишь свою пустоту. И вдруг луч солнца, пробившись сквозь облако, ударил в вершину арки, очертив в небе РАДУЖНЫЙ МОСТ над пропастью и светящийся контур на тёмном камне. Это был портал, соединяющий небо и землю. И когда человек это увидел, то почувствовал, что это не конец его пути... Через этот удивительный образ

тихая мудрость вошла в его сердце. Он ушёл без тяжести, с необъяснимой радостью, унося в душе образ, вернувший ему надежду.

Так Мост стал дорогой от земли – к свету, небу, смыслу. Он стал символом. Символом связи, для которой не нужны ноги – нужна лишь душа, нашедшая точку опоры для прыжка через любую пропасть.

Притча о Вратах

Жил-был Мастер. Он умел всё: знал тайны пропорций, силу камня, речь красок и упорство металла. Люди дивились его умению, но в глубокой ночи он слышал в своих творениях звенящую пустоту. Всё, что он создавал своей волей, – оставалось лишь умелым повторением формы. В нём не было Духа. Не было Жизни.

И пришёл день, когда Мастер отбросил резец и кисть. Он погрузился в совершенную пустоту, ибо понял: всё его умение – лишь стена, за которой скрывается то, чего он не знает. Он сидел в молчании дней и ночей, пока не перестал ждать и даже желать.

И тогда пустота заговорила.

Не голосом, а тишиной, ставшей вдруг мягкой и глубокой, как первый сон. Не видением, а внезапной, полной ясностью в сердце:

«Ты воздвиг храм, но закрыл врата.

Я – Гость, что стучится извне.

Разрушь стену своего умения.

Стань самими воротами – и Я войду»

Он вздохнул. И с этим вздохом из него ушла последняя тяжесть – тяжесть собственного «Я», желавшего быть творцом.

Он поднял резец. Но теперь он не высекал образ – он убирал всё лишнее, что мешало образу, уже сокрытому в камне, проявиться. Он взял кисть. Но теперь он не писал краской – он приоткрывал окно, сквозь которое свет, дремавший в стене, мог излиться в мир.

Он стал пустым местом. Проводником. Тихим голосом, повторяющим услышанную песню.

Люди пришли и замерли в изумлении. То, что стояло перед ними, дышало, сияло и жило своей собственной, не от мира сего жизнью.

«Как? – спрашивали они. – Какой новой техникой ты овладел?»

Мастер смотрел на своё творение, как на чужое, и на чужое – как на родное.

«Никакой, – отвечал он просто. – Я лишь перестал мешать. Я лишь открылся. Это сделано не мной. Это прошло сквозь меня».

С тех пор он учил только одному: искусству не-делания. Умению слышать тишину. Смелости стать ничем, чтобы через тебя могло явиться Всё.

Ибо всякий истинный дар, всякое чистое творение и всякий совершенный поступок нисходят от Источника, Который есть Свет, и в Котором нет никакой тьмы перемен. А человеку дана лишь одна честь: отворить врата своей души, сокрушив в себе ревнивого строителя стен, и пропустить в мир вечное, неизменное Сияние.

Притча о двух сёстрах и забытом завете

В начале времён, когда мир был молод и прозрачен, существовали две сестры, сотканные из одного узла времени. Звали их Жизнь и Смерть.

Жизнь была подобна весеннему соку, что вздымает к солнцу почки. Она плела из света травы, вышивала цветами луга, лепила из глины тела зверей и людей, наполняя их смехом, страстью и жаждой бытия.

Смерть же была подобна осеннему корню, что уходит в глубокую, плодородную тьму. Она носила платье не чёрное, а цвета поздних сумерек, опавшей листвы и благородной меди. Платье её шелестело тишиной. Её руки знали тайну покоя, форму завершенности и искусство развязывания любых узлов одним лёгким движением.

Они шли по миру неразлучно. Там, где ступала Жизнь, вздымалась зелень. Там, где касалась земли Смерть, зрелое само собой мягко склонялось к её ладони, освобождая место для нового ростка. Люди видели в них не врагов, а два священных лика Единого Цикла. И потому для Смерти в каж-

дом доме над очагом висел особый ковшик – не просто знак гостеприимства, а символ красоты и меры во всём. Его точная форма напоминала, что любая полнота имеет свой объём, любой расцвет – свой срок, а любая чаша – свои границы. Он означал: здесь помнят, что истинная красота – в своевременности, а мудрость – в знании, когда что начинать и когда завершать.

И был завет, простой и мудрый, как закон притяжения семени к земле: «Гостя, принимающая гостя. Не отвергай сестру, что стучится в дверь, ибо с нею на пороге стоит и твоё завтра».

Когда крестьянин срезал спелый колос, он благодарил Жизнь за урожай, а Смерть – за острый серп, превративший тленье в хлеб. Когда старейшина племени, отслужив свой круг, чувствовал, как душа его созрела для иного мира, он сам приглашал Смерть. Она входила, как самая чуткая из повитух, и помогала душе сбросить ветхое тело, как сбрасывают ставшую тесной, прожитую одежду. Наутро в стойбище рождался новый ребенок – живой знак того, что круг замкнулся.

Но главным её служением была ночная стража в глубинах человеческого сердца. Каждый вечер, засыпая, человек совершал малое умирание. И тогда Смерть, вместе с Духом-союзником, спускалась в его внутренние чертоги. Она аккуратно, как архивариус, раскладывала по полочкам памяти прожитый день. Радости превращала в золотую нить для буду-

щего покрова души. Ошибки – в чёткие зарубки на посохе опыта. А весь сор, всю мишуру обид, тревог и пустых слов она собирала в ладонь и обращала в серебристый пепел, уносимый сном. Она проветривала залы сознания, чтобы утром Жизнь могла наполнить их свежим светом и новыми замыслами.

Так было в эпоху, когда люди помнили язык деревьев и слышали песню, что поёт река, уходя под лёд.

Но однажды человек изобрёл зеркало и увидел в нём лишь себя. Он возжелал, чтобы отражение его длилось вечно. Он возомнил себя не частью цикла, а его властелином. Он возжелал только света, только роста, только накопления. Он объявил Жизнь – единственной владычицей, а Смерть – преступницей против его отражения. Его страшась душа нарисовала ей новый облик: безликий скелет, слепая коса, пустота под капюшоном. Люди заперли двери. Они спрятали ковшик над очагом, отвергнув тем самым саму идею меры и завершённой красоты. Они заглушили внутренний голос, зовущий к очищению. Они стали копить не урожай, а хлам: в амбарах – тленое добро, в сердцах – окаменевшие слёзы, которые так и не смогли пролиться.

И сестёр разлучили.

Жизнь, лишённая своей половины, стала бесплодно буйствовать: разрастаться опухолями, цепляться за уже отжившее, творить без меры и смысла. Она превратилась в вечный, изнуряющий день без надежды на отдых.

А Смерть, отринутая, лишённая своего священного смысла, одичала от горя и не востребованности. Её серебряный веник стал ржавой косой. Её искусство развязывать узлы – грубым разрывом. Она, когда её наконец впускали украдкой через чёрный ход, приходила уже не как целительница, а как слепая и суровая санитарка в переполненной больнице мира, который забыл, как умирать достойно.

Наш страх родился не в её объятиях. Он вырос из каменных стен, которыми мы отгородили свой дом от сада. Из молчания, которым мы ответили на её тихий стук.

Но иногда, в тишине, когда шум мира стихает до шепота, можно уловить далёкое эхо того завета. Оно звучит в облегчении, когда мы наконец отпускаем старую боль. В ясности, которая приходит после великой потери. В мудрой усталости осени, обещающей весну. Это голос Смерти-Сестры, напоминающий: «Я всё ещё здесь. Я – не конец твоей истории. Я – берег, к которому прибивается волна, чтобы снова набраться силы для бега. Развяжи свои узлы. Выпусти накопленный хлам. Открой дверь – не в последний час, а в следующий миг отпускания. И позволь мне, как прежде, расчистить пространство, чтобы твоя Жизнь – наше общее с ней дитя – могла снова развернуться в тебе во всей своей красоте».

Ибо вечный закон не изменился: глиняный кувшин ценит и гончара, и того, кто бережно разобьёт его, когда он выполнит свою службу. Так и душа. Чти обеих сестёр. Признай в Смерти лик иной формы Жизни. И тогда твой страх раство-

рится, уступив место благодарной тишине – той самой, из которой рождается новое дыхание.

Притча о Жизни и её грузе

Жила-была Жизнь. Она была подобна солнечному лучу, что танцует на воде, – легка, игрива и невесома. Всё ей удавалось, всё было ей по плечу. Она щедро дарила себя миру: смеялась с друзьями, трудилась рядом с сослуживцами, обнимала родных. Но иногда, когда кто-то задевал её словом или делом, Жизнь подбирала с земли невидимые камушки обид и складывала их в невидимый же мешок, который носила за спиной. «Пригодится, – думала она, – напомним им когда-нибудь». Мешок отяжелел, поступь её стала менее легкой, но она привыкла к этой тяжести и почти забыла о ней.

Однажды на перекрёстке дорог она встретила спутницу, которую звали Вечность. Та была одета не в чёрное, а в платье цвета звёздной ночи, а в руках её был не серп, а песочные часы из хрусталя, и песок в них струился быстро и беззвучно.

– Кто ты? – спросила Жизнь, и в её голосе прозвучала тревога, которой раньше не было.

– Я – Та, что завершает путь, – тихо ответила Вечность. – Я прихожу за теми, чья ноша стала тяжелее их самих.

– Какая ноша? – удивилась Жизнь.

– Взгляни за своё плечо. Камни в мешке, – сказала Вечность, и её взгляд был бездонным и спокойным. – Каменья злопамятства, крупинки жалоб, пыль разочарования в ми-

ре. Те, кто накапливает их, перестают чувствовать солнечный свет на коже или лёгкость ветра в волосах. Они лишь слышат глухой стук собственного груза. И тогда их путь естественно завершается у моего порога.

Жизнь обернулась и впервые увидела свой мешок. Он был огромен, сер и тянул её к земле. В нём звенели голоса прошлых ссор, темнели тени невысказанных упреков.

– Но... но я же должна увидеть, как распустятся почки на старом дубе! Я обещала услышать смех ещё не рождённых внуков! Я не сказала «прости» и «люблю»! – воскликнула Жизнь, и в её глазах вспыхнул ужас осознания.

– Дерево уже цвело тысячу раз, – мягко сказала Вечность. – А ты смотрела на него? Ты была так занята пополнением своей ноши, что не заметила последнего восхода. Он был прекрасен.

Тогда Жизнь опустилась на землю. Не для того, чтобы плакать, а чтобы развязать мешок. Она стала вынимать камни один за другим. Камень обиды на друга – и она вспомнила его верность. Горсть песка жалоб на судьбу – и она ощутила, как много ей было дано. С каждым выброшенным камнем её плечи расправлялись, а зрение прояснялось.

Она вдруг увидела, как травинка пробивается сквозь трещину в камне, как муравей тащит свою ношу, вдесятеро больше себя.

– Что я делаю? – прошептала она. – Я не прошу отсрочки. Я прошу... возможности идти налегке. Чтобы чувствовать

каждый миг. Чтобы благодарить за солнце и за дождь. Чтобы просить прощения и прощать, не таская за собой склеп прошлого.

Вечность наблюдала, и в её часах песок заструился медленнее.

– Ты только что совершила единственное, что может изменить ход песка, – сказала она. – Ты выбрала быть лёгкой. Иди. Светись. Цени миг – не потому, что он последний, а потому, что он единственный. Я всегда рядом, но я прихожу не как кара, а как естественный покой для тех, чьё сердце стало тяжелее камня, для тех, кто сам забыл, где лежит ключ от своих оков.

Жизнь встала. За её спиной не было груза, только легчайший след, подобный крыльям. Она пошла своей дорогой, и каждый встречный стал для неё не судьёй, а учителем. Каждая неудача – уроком, а каждый вздох счастья – бесценным даром.

Она поняла, что Вечность – не враг, а мудрая Напоминательница. Напоминательница о том, что истинная Жизнь живёт не в накоплении тяжести, а в искусстве отпускать и дарить. И что каждый освобождённый камень – это шаг к вечности, которая начинается здесь и сейчас.

Обручи

В горнице пахло дымом очага и сушёными травами. Пять взрослых сыновей, могучих и крепких, как молодые дубки,

стояли у постели старого отца. Дни его подходили к концу, и последние силы он собрал, чтобы сказать им главные свои слова.

– Дети мои, – голос его был тих, но ясен, как родниковая вода. – Настал мой последний час. Слушайте внимательно, ибо я хочу, чтобы вы растолковали мне одну историю.

Сыновья притихли, склонив головы.

– Вырос в лесу большой дуб. Гордый, к небу тянулся, под стать богатырю. Жёлуди с него дождём сыпались, новые рожицы сулили. Корни его так глубоко в землю ушли, что никакой буре не совладать с ним. Казалось, вечно простоит. Но однажды пришёл в лес плотник. Окинул он дуб взглядом опытным, засучил рукава, взмахнул топором и принялся рубить. К вечеру рухнул великан на землю с гулом, будто гром прокатился. Обрубил плотник его ветви-руки, а гладкое бревно повёз в мастерскую. Сделал он из него доски отменные, крепкие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.